

Зеркала не всегда говорят правду. Когда люди смотрят на своё лицо в зеркало, световые лучи отражаются от его поверхности, преломляются роговицей, проходят через зрачок, повторно преломляются в хрусталике, проецируются на сетчатку, преобразуются в нервные импульсы и наконец отправляются в зрительный центр головного мозга. Тем не менее как раз перед моментом осознания они могут исказиться призмой нарциссизма. Короче говоря, не существует такого человека, который способен смотреть на себя объективно. Человеческие глаза видят только то, что хотят видеть, и на этой основе восстанавливают окружающий мир так, как считают нужным. Подходя к зеркалу, подсознательно смотришь под таким углом и с таким выражением, чтобы выглядеть красивее, и закликиваешь внимание на тех частях лица, в которых наиболее уверен. Большинство людей, которые говорят: «Я плохо получаюсь на фотографиях», – просто не могут принять тот факт, что изображение их лучших сторон, которое они видят в зеркале, не совпадает с реальностью. По крайней мере, я так думаю.

Многие не признают существование этой призмы, пока не достигают достаточного возраста, чтобы различить её. Невезучие люди – или, наоборот, невероятно везучие – всю жизнь даже не подозревают о ней. Мало кто думает о себе не как о Золушке, а как об одной из её сводных сестёр. В молодости поголовно все принцы и принцессы. Тем не менее с возрастом мы начинаем разрываться между собственным видением и мнением окружающих, и нам не остаётся ничего, кроме как понизить свою самооценку. Я не принцесса. Я не принц. Я рано осознал это: летом в четвёртом классе. Мы обсуждали распределение ролей в пьесе для школьного фестиваля в сентябре. До того дня я думал о своей родинке только как об отметине. Даже если одноклассники дразнили меня из-за неё, я думал, что не отличаюсь от детей в очках или пухляшей – ничего особо странного я не замечал. Даже когда мне давали соответствующие клички, я не сильно огорчался. В какой-то степени я наслаждался этим, считая дразнилки доказательством того, что со мною можно легко поладить. Но заявление одного мальчика показало мне другую сторону. «Как насчёт "Призрака Оперы"?» Он поднял руку, указывая на меня. «Посмотрите, Ёсуке идеально подходит на роль Призрака!» На уроке музыки несколько дней назад мы полчаса смотрели запись мюзикла "Призрак Оперы". Призрак носил маску на правой стороне лица, чтобы скрыть своё уродство, поэтому тот мальчик, вероятно, провёл параллель со мной, когда смотрел. Это была лишь спонтанная шутка. Послышалось несколько тихих смешков, и даже я подумал про себя: да, я понял. Так или иначе, когда наша вечно ласковая классная руководительница услышала эту шутку, она взорвалась от злости. Она ударила по столу и гневно прокричала: «Вы хоть понимаете, о чём говорить можно, а о чём нельзя?!» – а затем схватила шутника за шкирку и поставила перед доской, чтобы серьёзно отчитать. Нотации утихли только со звонком на обеденный перерыв. Его глаза совсем покраснели от слёз, а атмосфера в классе давила на всех. Им казалось, что это я свёл на нет их радостные приготовления к фестивалю. В том кабинете, где никто не говорил ни слова, а только позвякивала посуда, я познал правду. Ох. Так моя родинка – не то, над чем можно посмеяться и забыть. Этот изъян настолько ужасен, что даже взрослые жалеют меня. В сравнении с "недостатками" вроде очков, полноты или веснушек, которые можно полюбить, он относится к иному виду неполноценности – он делает меня откровенно жалким.

С того дня меня неожиданно стали заботить чужие взгляды. Как только я всё понял, то увидел, что гораздо больше людей, чем я предполагал, обращают внимание на моё родимое пятно. Может, я просто накручивал себя, или пылкая речь учительницы послужила тому причиной, но большинство моих одноклассников стали хуже относиться к нему. Я ничего не мог с этим поделать, поэтому просто возненавидел эту отметину на своём лице. Я искал в библиотеках, как можно свести родинки, но причина возникновения моей была иной, нежели у распространённых наследственных пигментаций вроде невуса Ота и монгольского пятна (1), потому я не мог найти эффективного способа удалить её. Были случаи, когда подобные пятна пропадали сами, но даже такие чудеса, казалось, происходили с менее яркими родинками, чем у меня. Когда я был ребёнком, мама водила меня по разным больницам, но всегда безрезультатно. В течение многих лет эта тема не поднималась в моей семье, но, увидев тем

летом, как я отчаянно пытаюсь хоть что-то разузнать, мама снова начала искать лечение. Я помню мелодию, которая играла в каждой больнице, в которую мы приходили. У людей в залах ожидания всегда были внешне различимые дефекты кожи, и всякий раз, когда они видели пациента, чьё состояние было хуже, чем у них, они, казалось, находили в этом утешение.

Пройдя всех этих дерматологов, я узнал, что существуют те, кто страдают от более серьёзных проблем с кожей, чем я. Но этот факт несколько не утешил меня. Я наоборот ощутил, что сыт по горло этими непонятными болячками. Моё положение было далеко не из худших. Но это совсем не означало, что со мной всё в порядке. С усилением скопофобии (2) моё поведение становилось всё страннее: я решил, что выгляжу чужаковато, и стал бояться чужих взглядов – так продолжалось долгое время, и я почти ни с кем не разговаривал, когда приходил в школу. Я был одержим манией преследования, думал, что противен каждому, и никому не верил, даже если мне дружелюбно улыбались. Однажды ночью я проснулся оттого, что по неизвестной причине меня вдруг начал бить озноб. Я не был простужен, а на улице было больше 20-ти градусов, но меня невыносимо сильно трясло. Я поспешил к шкафу, достал оттуда ватное одеяло, положил на кровать и нырнул под него. Даже утром дрожь не прекратилась. Из-за неё я пропустил уроки и на следующий день с неохотой надел в школу зимний свитер. Мама заподозрила, что это атаксия, и посетила со мной несколько больниц, но там не имели ни малейшего представления о том, как меня вылечить и посоветовали не ходить в школу некоторое время. К счастью, других симптомов помимо озноба не обнаружилось, и это никак не повлияло на мою жизнь: я просто начал тепло одеваться. Так начались мои преждевременные летние каникулы. То лето показалось мне ужасно холодным. Когда вокруг вовсю пели цикады, я пил горячий чай, свернувшись под толстым одеялом. По ночам я спал, обнимая бутылку, наполненную горячей водой. Когда родители уходили на работу, я выходил на улицу подышать свежим воздухом. Интересно, что думали соседи, наблюдая за тем, как я в двухслойной одежде стоял под палящим солнцем? Когда мама поняла, что причиной моей атаксии является стресс, вызванный переживаниями о родинке, она прекратила расспрашивать меня о школе. «Просто хорошенько отдохни, – только и сказала она. – Не беспокойся, что медленно поправишься. На самом деле лучше бы нам придумать, как побороть твой озноб раз и навсегда». Что бы со мной стряслось, если бы такое состояние продлилось до зимы? Даже летняя жара за 30 казалась полярной зимой. Если бы температура на улице опустилась ниже нуля, наверное, я бы насмерть замёрз. Или меня начал бы мучить жар, и я стал бы голым валяться в сугробах. Но мне не выпало шанса проверить. День на двадцатый моих преждевременных каникул дрожь прекратилась, будто её и не бывало. Я бы сказал, что это всё благодаря Юи Хаджикано.

□

Когда я впервые пошёл в старшую школу, стояла хорошая погода. Просунув руки в рукава светлой летней формы и переобувшись в новые туфли, я открыл дверь и был охвачен жаром, исходящим от влажного асфальта. Старичок по соседству поливал газон у входа, а потемневшая от воды дорога радостно сверкала на солнце. Деревья и столбы электропередач отбрасывали длинные тени, а разросшийся на пустыре лопух испускал терпкий запах. У меня даже голова закружилась от стольких ощущений. В этом году мне исполнилось 16, но начало лета всё ещё казалось мне чем-то необычным. Я почувствовал, что и в этот раз к нему не готов. Лето переполняет всё вокруг жизненной силой. Солнце светит в десять раз сильнее, дождевые тучи разлетаются кто куда, растения чудовищно быстро растут, насекомые стрекочут, как полоумные, а люди, ликуя, пляшут в зной. А ещё, когда жизнь обретает чрезмерное могущество, то же происходит и со смертью. Страшные истории о призраках неразрывно связаны с летом, вероятно, просто потому, что помогают забыть о жаре. Может быть, мы все подсознательно понимаем, что, чем сильнее полыхает пожар, тем быстрее он

выгорит. Ради такой яркой жизни нам приходится брать силы в долг у самих себя, после чего мы должны его вернуть. Во всяком случае, воспоминания об этом питают нас до следующего лета, но с течением времени они всё сильнее и сильнее ослабевают. Поэтому мы каждый раз удивляемся, осозная, какое же лето яркое. Я наивно полагал, что вышел из дома с большим запасом времени, однако пришёл на станцию как раз перед тем, как поезд тронулся. Пассажиры уже высыпали на платформу, и я услышал, как визжат тормоза.

Когда я показал контролёру свой проездной и прошёл через турникет, то услышал жизнерадостное: «Доброго пути!» Я обернулся на голос и понял, что это тот самый человек, который постоянно сверлил взглядом мою родинку. Найдя это странным, я сел на поезд. Меня окутал запах пота и сигарет, обеспечив отвратительное начало дня. Оглядываясь вокруг в поисках свободного места, я заметил двух девушек у дверей, одетых в форму другой старшей школы, которые указывали на меня, смеясь над моей родинкой. Я застонал и взглянул на одну из них, будто интересуясь, всё ли с ней в порядке. Она, смутившись, отвела глаза и робко улыбнулась. На меня крайне редко так реагировали, это выбило меня из колеи, как и приветствие контролёра на станции. Может, мир стал чуточку прекрасней с того момента, как я оказался в больнице? Я потряс головой; нет, такого произойти не могло. Может, просто наступившее лето подняло всем настроение. Я сошёл с поезда три остановки спустя, смешался с толпой людей в одинаковой форме и минут тридцать шёл до школы. По всей видимости, рядом находилась начальная школа, потому что мимо меня прошло много младшеклассников. Примерно треть из них обращали внимание на моё лицо и здоровались с улыбкой. Я колебался, но всё же отвечал им. На той же улице, что и станция, в тесном жилом районе за железнодорожным переездом стояла школа, в которую я поступил: Первая старшая Минагисы. Само здание было просто найти, но главные ворота были такими маленькими, что их можно было легко спутать с чёрным ходом – тем, кто был здесь впервые, приходилось несколько раз обходить ржавый забор, чтобы их обнаружить. На серых абсолютно одинаковых стенах висело три плаката, гласящих о незначительных достижениях каких-то мелких клубов. Карнизы, не помнящие дождя, остались грязными даже после чистки и казались совершенно убогими. Я посещал эту школу только второй раз, но, без сомнений, она была лишена изящества. Примерно на полпути от станции до школы я краем глаза заметил странное шевеление. Я остановился, обернулся и встретился взглядом с собой в дорожном отражателе. Оказалось, я просто заметил, как дёрнулось моё собственное отражение. Я собирался продолжить идти, но что-то меня остановило. Навязчивое, беспокоящее ощущение. Я отошёл, оглядел себя. Проверил одежду. Школьная форма была в полном порядке. Рубашка застёгнута на все пуговицы. Штаны надеты не задом наперёд, ремень застёгнут. И всё равно я обернулся снова и вгляделся в зеркало. Что-то было не так. И я искал, что именно. Само собой, я смотрел в тот же отражатель, у которого у меня и возникло это чувство. Не боясь замарать руки, я протёр грязное зеркало и взглянул на своё отражение ещё раз. И тогда я понял. Человек, смотрящий на меня из отражателя, был похож на меня. Но это был не я. У него была внешность моего идеала, моего "если бы я только был таким", того, кого я представлял себе время от времени. От огромного родимого пятна не осталось и следа, будто его взяли и смыли. Мир вокруг в тот же миг отошёл на задний план. Я в оцепенении замер перед зеркалом. Я пребывал в глубоком замешательстве.

Кто-то задел меня сзади, и я чуть не грохнулся на землю. Я слышал извинения, но сейчас мне не было до них никакого дела. Я с подозрением глянул на себя, продолжающего пялиться в зеркало, и ушёл. Я с опаской тщательно ощупал место, где находилась родинка. Я убедился, что это не было вызвано игрой света или искажением, вызванным грязным отражателем. Интересно, есть ли безошибочный способ определить, сон это или реальность? Сны, в которых исполняются желания, встречаются крайне редко. Большинство снов основано на человеческих мечтах и скрытом беспокойстве. Сны, в которых вы преодолеваете свой комплекс неполноценности, вероятно, являются самым показательным примером. Пока я не переволновался, мне нужно было подтвердить, что это взаправду. Я

закрыв глаза на десять секунд. Может, так происходит только со мной, но, когда я закрываю глаза или уши во сне, чтобы перехватить поток информации, цепь образов часто рвалась, и я просыпался. Всегда, когда мне снились кошмары, и я осознавал, что это они и есть, я использовал этот метод. Но спустя десять, двадцать, тридцать секунд, ничего не изменилось. Я по-прежнему ясно ощущал мир. Я открыл глаза и посмотрел в зеркало. Родинки я, конечно же, не увидел. Это не сон. Я должен поразмыслить над этим. Итак, следующий вопрос. Что происходит? Я отчаянно пытался придумать причину. То, что мне никак не удавалось выдвинуть теорию, которая достойна называться теорией, было вызвано не только недосыпом. Где-то в глубине души я знал – до тех пор, пока не переменялся ход моих мыслей – я знал, что не получу ответа, если просто буду нервничать. Не желая верить в одно абсурдное предположение, в попытках придумать другое обоснование я просто бродил по кругу. Но я был не в силах согласиться с этим. Я не смог бы принять это заключение, не услышав подтверждение из её собственных губ. Я хотел пойти куда-нибудь, где есть телефон-автомат. Но я не имел ни малейшего понятия, как я сделаю это на территории школы, где совсем не ориентируюсь. Тем не менее внутри должен быть хотя бы один. Возможно, лучше всего будет просто продолжить идти. В любом случае, я не могу вечно стоять посреди дороги. Вокруг уже не было ни души, и если я в ближайшее время не сдвинусь с места, то не успею совершить задуманное до начала первого урока. Я неохотно отвернулся от отражателя и устремил взгляд в сторону школы, маячившей в просветах между домами. Несмотря на то что школа только открыла мне навстречу свои двери, она потеряла для меня всякий смысл. Даже классного руководителя в насквозь пропахшей растворимым кофе учительской я слушал вполуха. Обо всём он говорил страстным тоном, явно излишне усердствуя. «Теперь влиться в коллектив будет сложно, но класс хороший, поэтому отнесись к этому серьёзно, и всё получится», «тебе нужно познакомиться со всеми до начала летних каникул, поэтому удачи» и тому подобное. Он был честным человеком лет тридцати с блестящими приглаженными волосами. Его звали Касай. Спустя пять минут с того момента, как он начал говорить, пришёл какой-то другой сутулый преподаватель и что-то шепнул ему. Как-то даже поникнув, он велел мне подождать здесь и покинул учительскую. Как только Касай ушёл, я без спроса вышел из кабинета и направился в служебный туалет. Убедиться в том, что родинка сошла совсем. Я не мог избавиться от предчувствия, что, когда я взгляну на неё, всё вернётся в норму. Потому что так же просто, как исчезла, она может появиться вновь. Конечно, это беспокойство было беспочвенно. Естественно, она сошла. Я уперся руками в стену, как будто был готов рухнуть, и продолжил смотреть в зеркало. Я много лет так не вглядывался в собственное лицо. Оно не кажется таким уж плохим, подумал я, если бы только оно не принадлежало мне. Я уже не мог сдвинуться ни на шаг с места, где стоял. Полагаю, я был одержим навязчивой идеей задержать свой взгляд ещё на мгновение, чтобы этот образ отпечатался в моей памяти. Если я отвернусь, вернётся ли родинка? Если я прекращу смотреть и не буду воспринимать "себя без родинки" как норму, заметит ли разум то, что моё тело не соответствует моим представлениям о нём, и воссоздаст её? Я не мог выбросить эти сомнения из головы. Прошла пара минут, прежде чем Касай открыл дверь в туалет и окликнул меня, или, может, минут двадцать. Благодаря его: «Эй, Фукамачи», – я окончательно пришёл в себя. «Я понимаю, что ты нервничаешь в свой первый день, но не пропадай так внезапно». Я несколько не нервничал, мне было плевать на людей, с которыми я должен был встретиться – но мне не хотелось объясняться. Я извинился за неожиданное исчезновение, и Касай потрепал меня по плечу: «Не накручивай себя. Всё пройдёт хорошо». Я не помню, что я говорил, представляясь классу. Думаю, я сморозил что-то более или менее связанное, и, кажется, я подобное уже слышал где-то прежде. Голова была забита мыслями о внезапном исчезновении родинки, поэтому времени на подготовку речи у меня не было. Если судить по мрачной физиономии Касая, представился я так себе. Я чувствовал, что среди студентов появилось какое-то шевеление. Я произвёл не лучшее первое впечатление. Всё же, я никогда и не хотел подружиться со своими новыми одноклассниками, поэтому не собирался возражать, если

они меня возненавидят. Тот факт, что моё родимое пятно действительно пропало, и мне не привиделось, подтвердился. В основном, когда люди впервые встречаются меня, они несколько секунд глядят на меня с любопытством или отводят взгляд и стараются не смотреть мне в глаза. Но никто из моих одноклассников так не отреагировал. Видимо, они решили, что я просто парень с плохими социальными навыками. После моего простенького приветствия и сдержанных хлопков, Касай указал на пустующее место у дальней стены и сказал сесть там. В двух рядах ближе к окну было по семь парт, а в остальных пяти сидело по шесть человек. Поэтому мне пришлось сесть за одну из двух самых дальних парт. Взгляды, которые я ловил, пока шёл до своего места, отличались от тех, что были прежде. Были то любопытные взгляды, обращённые к однокласснику, появившемуся на три месяца позже обычного, или насмешливые в сторону парня, который не смог даже нормально представиться, я не мог сказать точно. Было озвучено ещё несколько новостей, и утреннее собрание подошло к концу, а на замену Касаю пришёл другой преподаватель, который без промедления начал урок. Учительница английского, женщина лет двадцати пяти с короткой стрижкой, казалось, не обратила внимания на новое лицо, внезапно появившееся в её классе. Я не особо слушал её, глядя в пустую тетрадь и думая о своей родинке. Я слышал чёрных цикад, которые стрекотали на деревьях, окружавших велосипедную парковку. Все ученики с одинаково серьёзными лицами слушали учителя. Если они не могли с чем-то справиться, их выражения принимали обеспокоенный вид и светлели, когда они понимали то, чего не знали прежде. Они сильно отличались от тех, с кем я учился в средней школе. Урок пролетел, не успел я и глазом моргнуть, и наступила перемена. Меня не окружила толпа любопытствующих, желающих задать мне вопрос. Некоторые кидали на меня косые взгляды, пока я сидел, абстрагировавшись, и ни с кем не разговаривал, но на этом дело ограничивалось. Половина учеников разбилась на группы, и я услышал их болтовню. Другая половина сидела над открытыми учебниками и тетрадями. Я собирался было искать телефон-автомат, но за десять минут обнаружить хоть один в школе, которую я никогда не осматривал прежде, не представлялось возможным. Мне оставалось только дожидаться обеда. Устав от солнечного света, я оглядел пустое место справа наискосок от меня. Хозяин парты, кажется, не пришёл, поэтому внутри ничего не было. На задней спинке стула перманентным маркером было написано число "1836". Что оно значит? Определённо, это не номер парты. Прозвенел звонок, ознаменовавший конец перерыва, и ученики поспешили занять свои места. Вскоре после начала второго урока то ли из-за отсутствия сна прошлой ночью, то ли из-за странных событий, произошедших этим утром, на меня навалилось тяжёлое, как мокрое полотенце, ощущение сонливости. Не желая уснуть на уроке в первый же день, я ущипнул себя за лоб и отчаянно пытался бороться со сном, но, к сожалению, в считанные минуты мои веки сомкнулись. Я спал только минут двадцать, но увидел необычно яркий сон. Сон, в котором моя родинка вернулась. Умывая лицо, я поднял взгляд и увидел её. Ах, слава богу, это был всего лишь сон, подумал я, и плечи опустились с облегчением. Во сне я был удручён этим, но также чувствовал и облегчение. Может, я, прожив так долго со столь ненавистным недостатком, всё же начал немного любить его. Или, возможно, оно было вызвано освобождением от давления отсутствия отговорок, которые порождало это родимое пятно.

Я проснулся от тычка в предплечье. Это позволило мне понять, что я больше не в больничной палате и даже не дома. Я нахожусь в классе, поэтому меня разбудил не смотритель и не родители. Я посмотрел направо. Меня подняла девчонка, сидевшая на соседнем месте, а теперь смотрела на меня, будто бы поражённая неосторожностью того, кто задремал ранним утром в первый день учёбы. Интересуясь, сколько времени я проспал, я выпрямился и взглянул на настенные часы. Второй урок уже заканчивался. Скорее всего, она разбудила меня прямо перед прощанием. Я склонил голову и поблагодарил её, но она уже устремила свой взгляд на доску. Такое чувство, будто она демонстративно меня игнорировала. Как будто пыталась сказать: «Не нужны мне твои благодарности». Может, она разбудила меня не из добрых намерений, а потому что учительница накричала бы на меня за сон на уроке, и она хотела

избежать подобной сцены в классе. Мой взгляд остановился на ней. Аккуратные ушки были обрамлены чёрными волосами по грудь – правильной формы лицо и тонкая шея выделялись на их фоне. На первый взгляд черты лица довольно простенькие, но, если приглядеться, ярко выраженные. Матроска Первой старшей школы Минагисы сидела на ней, как влитая. Эта девочка выглядела до смешного серьёзной, глядя на доску, создавая впечатление упрямой и не особо податливой девушки. У неё была необычно прямая осанка, будто она находилась на чайной церемонии, и всё же была ниже остальных девушек, сидевших рядом. Проще говоря, такие, как она, далеко стоят от хулиганов вроде меня. Я сомневался, что мы сможем поговорить с глазу на глаз хоть о чём-нибудь, пусть даже о том, как держать палочки для еды.

Урок закончился. Я немного тревожился из-за своего сна. Когда я встал со своего места, чтобы пойти в туалет и снова проверить свою родинку, девушка, что разбудила меня, проямлила что-то в мою сторону. Сначала я не заметил, что ко мне кто-то обратился. Если перечислять всех людей, которые заговорили бы со мной сами, то я бы назвал Хаджикано и кучку бездарностей, тоже отринутых обществом. Я и мечтать не мог о том, что кто-то вроде неё – той, которую уважают учителя и одноклассники – решит достучаться до меня. «С твоими ранами теперь всё в порядке?» – непринуждённо спросила она, будто разговаривала со старым другом. Сперва я счёл её голос обычным шумом, но внезапно моё внимание привлекло слово, напрямую со мной связанное. Я спешно проиграл у себя в голове эту фразу, и, рассматривая возможность, что обращались действительно ко мне, неуверенно взглянул на неё. Наши глаза встретились. «Ты со мной говоришь?» – поинтересовался я. «Да, – кивнула она. – Я мешаю?» «Нет, ничуть, просто, эм... – неопределённо пробубнил я. – Неожиданно, что девушка вроде тебя заговорила со мной при первой же встрече».

Задумавшись над смыслом моих слов, она огорчённо улыбнулась. «Я похожа на человека, которому не интересны другие люди?» «Нет, я не это имел в виду». «Тогда что ты имел в виду?» «Ну, просто... я подумал, что ты меня недолюбливаешь». С тем же выражением лица она склонила голову: «Почему? Мне не может понравиться или не понравиться человек, с которым я ни разу не говорила». «Значит, ты возненавидишь меня чуть позже». Она умолкла на пару секунд, обдумывая мой ответ. Затем внезапно зажмурилась и хихикнула. Она определённо восприняла это как шутку, сказанную с серьёзным лицом.

«Как пренебрежительно, – произнесла она. – Или у тебя плохо с людьми, которым ты нравишься?» «Да не знаю. Не имею опыта». «Что, правда?» Она изящно улыбнулась, чуть сдвинув уголки губ. И эта фраза, видимо, тоже была воспринята, как шутка. «Я не лгу. Я действительно никогда не был любим». «Да-да, я поняла», – девушка недоверчиво кивнула. Сдерживая гнев, я вздохнул: «Ну а ты, ты-то, небось, прокачана в этой области».

«Я не знаю. Не имею опыта», – помрачнев, сказала она. Без сомнений, это ложь. Я даже уверен, что не удивлюсь, если каждый раз, когда она заходит в поезд или автобус, на неё наваливаются некоторые люди. Я сидел, не двигаясь, и молчал. Тогда она потянулась к сумке, достала длинную прямоугольную бумажку и положила на мою парту. «Что это?», – спросил я. «Танзаку (3), – сказала она, крутя в пальцах другую такую же. – Их вешают в холле. Я взяла одну запасную, но отдам тебе». «Танзаку, хех? Ну, по григорианскому календарю Танабата завершилась неделю назад, а по лунному не рановато ли?» «С точки зрения Орихимэ и Хикобоши лишняя неделя или месяц в пределах погрешности». «Так это работает?» «Да, так. Раз уж мы друзья по несчастью, давай попросим у них, чтобы нас кто-нибудь полюбил». Немного поразглядывав голубое танзаку, я вернул её девушке. «Мне она не нужна. Можешь использовать её для себя». «Эм, не думаю, что Орихимэ или Хикобоши вообще исполнят моё желание, – сказала она, сжав в руках ручку и уставившись на пустое место. – Но это хороший шанс подумать о том, что же ты ищешь. Люди, которые счастливы такими, какие есть, и не знают, чего хотят, никогда ничего и не получают. Молитвы созданы для того, чтобы мы могли сформулировать, какое желание хотим исполнить».

«Глянь, не похоже, чтобы я ненавидел молитвы, – ответил я. – По правде говоря, моё желание уже исполнилось. Моя давняя мечта воплотилась в реальность всего несколько часов

назад. Мне кажется, что я буду наказан, если пожелаю что-нибудь ещё». «Поздравляю, – произнесла она, положив ручку с тихим стуком, – я тебе завидую ...Ты пожелаю избавиться от травм? Или, может, пойти в старшую школу?» «Ни то, ни то. Это желание более личное».

«Ясно. Тогда мне не следует копать глубже». «Буду признателен». «Тогда, – она указала на танзак в моей руке, – загадай желание для меня». «Что пожелать?» – спросил я. «Свободу», – ответила она. «Пожалуйста, попроси свободу для меня». Теперь пришёл мой черёд удивляться её словам. Хотя её мягкая улыбка так и подначивала принять это за шутку, где-то в голосе прослеживался намёк на искренность. «Ладно», – только и сказал я, взяв ручку. А ещё спросил: «Кстати, а как тебя зовут?» «Чигуса. Чигуса Огизэ, – ответила она, не сводя глаз с танзака. – А ты Ёсукэ Фукамачи» «Ага, я знаю». На следующей перемене мы снова завели разговор. Если верить словам Чигусы, к счастью, я не пропустил никаких тем за рамками моего самообучения. На обеденном перерыве я вышел из класса. Я завернул в уборную и в третий раз убедился, что ничего не изменилось. Тогда я пробился сквозь толпы школьников в коридорах и на лестницах, спустился на первый этаж и нашёл-таки телефон. Он находился около торгового автомата – выбор там был ужасный – прямо в холле. Вот тут-то и начались трудности. Я не знал, как самостоятельно позвонить той женщине. Я ожидал, что когда буду находиться в радиусе слышимости, она позвонит мне, но сейчас телефон молчал. Я сел рядом с фонтанчиком для питья на другой стороне холла и вытер пот со лба. Прямо за окном, будто соревнуясь в громкости, трещали цикады. Ученики один за другим подходили к торговому автомату, чтобы купить любимой еды. Возможно, ничего не происходило, потому что вокруг были люди. Если подумать, та женщина звонила мне только тогда, когда я был совершенно один, и никак иначе. Наверное, доставило бы определённые неудобства, если бы кто-нибудь помимо меня услышал нашу беседу. После десяти минут ожидания я немного проголодался. Я подумал, что мне следует пока сдаться и пойти пообедать уже. Казалось, я мог вечность здесь просидеть, а телефон так и будет молчать. Возможно, у меня просто должно возникать это особенное чувство крайнего беспокойства, когда она звонит. На втором этаже я купил остатки мятных онигири, затем зашёл в туалет проверить родинку. Который раз я это делаю? Учítывая то, что прежде я никогда не смотрел на себя в зеркало, возможно, сегодняшний день компенсировал два минувших года. Выйдя из туалета, я направился в класс на четвёртый этаж. Большинство одноклассников ели и весело болтали с друзьями, но я нигде не видел Чигусу. Может, она вышла, чтобы увидеться с друзьями из другого класса. Я сел, а парень, сидевший передо мной, повернулся ко мне и положил локоть на парту. У него были длинные тёмные волосы и дружелюбное лицо. Заметив, как накачаны его ноги, я предположил, что он играет в футбол.

«У тебя были ужасно долгие весенние каникулы, ага? – произнёс он, наклонившись вперёд: расстояние между нами сократилось до 30-ти сантиметров. – Эй, кажется, ты понравился Огизэ, круто, круто. Блин, я завидую!» Ошеломлённый его фамильярным отношением, я всё же ответил: «Мы только пару слов сказали. Не обязательно я ей понравился». Тот парень театрально мотнул головой: «Ты так говоришь только потому, что не знаешь Чигусу Огизэ. ...Разве беседа с ней тебе не показалась чутка странной?» Услышав это, я подумал о нашем с Чигусой маленьком разговоре. «Да, она странноватая, если ты об этом. Она слишком стремится показаться вежливой». «Так и есть, – ответил он, подняв указательный палец и противно ухмыльнувшись, – она у нас королевична. Не знаю подробностей, но очевидно, её семья достаточно богата». Это было просто представить. По сравнению с обычными старшеклассниками Чигуса была лучше воспитана. Она дышала другим воздухом, ела другую еду и выросла, воспитанная другой философией. «Я не могу одного понять, – задал я вслух вопрос. – Зачем богатой девочке ходить в захолустную школу вроде этой?» «Мы тоже считаем это странным. А ты как думаешь, почему? Может, пытается набраться опыта?»

«Тут можно получить разве что опыт предвзятого отношения к себе». Не знаю точно, когда Чигуса вернулась в класс и встала позади того парня. «Ох, ты слышала», – удивился он, стараясь скрыть неловкость. «Если ты хочешь посплетничать о ком-то, пожалуйста,

делай это там, где тебя не услышат». Парень несколько раз пригладил волосы на затылке и уверенно откинулся на спинку стула. «Я должен спросить напрямую, пока у меня есть возможность. Зачем ты поступила в эту школу, Огиз?» «Чтобы набраться опыта», – с серьёзным видом ответила Чигуса. «Кое-кто тебе завидует, – пошутил он, криво улыбнувшись. – Освободи немного места в своём сердце. Иначе ты никогда никому не откроешься». «Я пытаюсь ему открыться, – указала она на меня. – И ты мешаешь». «Тем хуже для меня», – пожал он плечами. Кто-то из кучки человек из пяти в углу класса окликнул его: «Нагахора, поспеши!» Парень ответил им, сказал: «Что ж, оставляю тебя наедине с Огиз», – похлопав меня по плечу, и пошёл к друзьям. Возможно, не такой уж он и плохой. Похоже, у него нет явной неприязни к Чигусе. «Он тебе рассказал ещё что-нибудь странное?» – спросила меня она. «Он сказал, что для него честь – учиться в одном классе с самой красивой девушкой школы». «Уверена, он не говорил такого, – фыркнула Чигуса. – Скажу только во избежание каких-либо недоразумений: я не особо богата. Этот слух был правдив много лет назад, но сейчас моя семья совершенно обычная». Размышляя о том, насколько велика разница между её "обычной семьёй" и тем, что я представил, я укусил онигири и запил чаем. Чигуса достала из сумки коробку с обедом. Она выглядела довольно старой, но была покрыта причудливыми узорами. «Почему тебе не сказать об этом, э-э... Нагахоре?» «Действительно, почему? – она наклонила голову. – Наверное, мне хочется, чтобы они продолжали ошибаться. Мне комфортнее, если они думают, что я богата, и держат дистанцию. ...Кстати, Фукамачи, не хочешь пообедать вместе?» «Мне без разницы, но... Эм, я тебя не побеспокою?» Чигуса взглянула на меня одуроченным взглядом, а потом прикрыла губы и засмеялась так, будто обнаружила что-то крайне забавное: «Вообще-то это я должна была спрашивать. Гм, Фукамачи, я тебя не побеспокою?» «Ничуть. На самом деле я благодарен». «За то, что обедаешь с самой красивой девушкой школы?» «Ага». «Даже зная, что это шутка, ты счастлив». Чигуса подошла к моей парте, поставила стул сантиметрах в 30-ти от меня и села, придерживая рукой юбку. Её воротник с двумя белыми полосками слегка съехал. Я услышал тихое: «Приятного аппетита». После уроков Чигуса показала мне школьный двор. Не знаю, сделала она это по собственному желанию или по наставлению того пронырливого учителя, но её это как минимум не раздражало. «Если ноги начнут болеть, не стесняйся мне сказать», – произнесла она. «Думаю, я буду в порядке», – я шагнул пару раз, чтобы размять их, и не почувствовал боли или других неприятных ощущений. Из открытых окон коридора до моих ушей доносились крики клуба лёгкой атлетики, звон металлических бит, отбивающих бейсбольные мячи, я слышал, как кто-то репетирует на тромбоне и пытается настроить расстроенную гитару в клубе лёгкой музыки. Приближались межшкольные отборочные соревнования и культурный фестиваль, поэтому все были заняты настолько, что изнуряющая жара в здании казалась чем-то само собой разумеющимся. «Кстати, Огиз, ты состоишь в каком-нибудь клубе?» «Не волнуйся, – она положила руку на грудь и покачала головой. – Официально он называется "клуб садоводства", но что до того, чем мы занимаемся... в основном мы просто сидим и болтаем. ...И да, Фукамачи, ты уже решил, в какой клуб вступишь?» «Думаю, я вообще никуда не вступлю». «Ну конечно, ты же только оправился от травм». «Нет, ноги-то в порядке. Я просто не могу представить, что буду хорошо проводить время в подобном месте». «Ты накручиваешь себя». «Может и так. Но мои опасения, как правило, подтверждаются». Чигуса остановилась и взглянула на моё лицо. Она приоткрыла рот, затем, передумав, закрыла. Ей потребовалось некоторое время, чтобы подобрать слова и заговорить: «На самом деле, Фукамачи... По правде говоря, я тоже в своём роде опоздала. Моё здоровье находилось в плачевном состоянии, поэтому я не ходила в школу до начала мая. Только недавно я смогла передвигаться самостоятельно; ещё полмесяца назад я использовала инвалидное кресло. Поэтому я понимаю твоё недоумение. Будто бы мир оставил тебя позади». Чигуса вздохнула и улыбнулась, чтобы поддержать меня. «Но я могу гарантировать: всё будет нормально, Фукамачи. Я уверена, у тебя всё сложится. У меня нет доказательств, но такое уж у

меня предчувствие». «Спасибо, – сказал я ей, – теперь я чувствую себя лучше». Мы продолжили идти. Мы прошли мимо кучи людей, пока обходили школу, но ни один не покосился на меня, как если бы родинка осталась на месте. Может, меня просто не заботили чужие взгляды, когда мне было хорошо. Однако я правда был благодарен за то, что родинка исчезла. Меня поразило то, насколько проще мне стало жить в этом мире после небольшой перемены во внешности. Обойдя всё здание, мы переобулись у входа и вышли на улицу. Чигуса показала мне расположение клубных комнат и второго спортзала, а затем похлопала по плечу и указала на кого-то на поле. Я посмотрел туда и увидел махающего нам Нагахору с бутылкой в другой руке. Как я и предполагал, он оказался членом футбольного клуба. На нём была грязная форма для тренировок. «Полагаю, он ждёт твоего ответа», – прошептала мне на ухо Чигуса. Я, сомневаясь, помахал ему, и Нагахора показал мне большой палец, довольно улыбаясь. Тут же им что-то прокричал тренер, поэтому он поспешил присоединиться к сокомандникам. «Он не такой уж и плохой, – поведала мне Чигуса, – если закрыть глаза на то, что он распускает слухи». «Наверное», – кивнул я. Когда наша экскурсия закончилась, было уже 7 часов вечера. Всё вокруг заволокла мгла, проснулись вечерние насекомые, на поле зажгли освещение, и клуб игры на духовых инструментах начал репетировать. Направившись прямо к школьным воротам вместе с Чигусой, я сказал ей спасибо. «Ты сильно помогла мне сегодня. Я благодарен». «Нет-нет, я была очень счастлива, проводя время с человеком, который, как и я, слишком много отдыхал, – сказала она, почтённо склонив голову. – Однако я уверена, что не будь меня, кто-либо другой с радостью занял бы моё место». «Я так не думаю. Сегодня со мной заговорили только ты и Нагахора». «Но все смотрели на тебя так, будто хотели поболтать с тобой». «Со мной? – я не мог скрыть растерянность в голосе. – Я доставил им проблем?» «Ты истинный пессимист, Фукамачи», – рассмеялась Чигуса. Мы в тишине дошли до реки. Больше половины фонарей по обе стороны дороги вышли из строя или мерцали, а вокруг самых ярких кружили комары и жуки-скарабеи. На ближайшем рисовом поле нескончаемо квакали лягушки, и слышался скрежет тормозов приближающегося поезда. Из вентиляции какого-то дома пахло жареной рыбой. Я совершенно не ожидал, что буду возвращаться и школы вместе с кем-то в самый первый день. Когда наши пути должны были разойтись, Чигуса глубоко вздохнула: «Эм...Фукамачи». «Чем могу быть полезен?» – ответил я вежливо до глупости, и в её глазах заиграла улыбка. «Ну... Если тебя что-то беспокоит, не стесняйся и скажи мне. Будем беспокоиться вместе». «Ах, ясно. Необязательно было говорить, что ты к этому готова». «Ладно. Как показывает практика, один человек для другого может сделать совсем немного». «Абсолютно верно», – согласился я.

□

Возможно, лишь возможно, я смог бы зажить правильной жизнью. Об этом я думал, шагая по дороге от станции. Чигуса и Нагахора привязались ко мне, и никто из класса не казался мне плохим. С уроками у меня также не должно возникать проблем. Я не мог сказать точно, проучившись только один день, но пока ничего меня не тревожило. Нет – если и была причина для беспокойства, так это возвращение моей родинки. Слова Чигусы: «Всё будет нормально, Фукамачи», – правда обрадовали меня. Но она говорила это, не подозревая о моей настоящей внешности. Не подозревая о том, какой я мерзкий. Я не знал, как долго будет сохраняться мой теперешний вид. Если в назначенный день сердце Хаджикано не будет принадлежать мне, моё лицо вновь станет прежним. Если родинка появится завтра, что скажет Чигуса, взглянув на меня? Сможет ли по-прежнему гарантировать: «Всё будет нормально, Фукамачи»? Может, я слишком пессимистичен, и она всё же скажет так. Отсутствие или присутствие родимого пятна на моём лице ничего не изменит в долгосрочной перспективе. Возможно, у меня не возникнет столько проблем, сколько я себе навывдумывал, и

на самом деле до этого момента я просто пал жертвой неудачных обстоятельств... Начинаю повторяться, как и обычно. Размышления о том, что обо мне думают другие, никогда ни к чему не приводили. И всё же я не мог не думать об этом. Я ждал, когда зазвонит телефон. Я о многом хотел спросить ту женщину. Как далеко мне нужно зайти с Хаджикано, чтобы удовлетворить "условие победы" в нашем споре? Что важнее, я вообще с ней увижусь? Когда? Стоит ли мне начинать её искать? Я остановился. Я просто хотел срезать по пути домой, но, кажется, заблудился. Дорога, по которой я шёл, была тёмной и настолько узкой, что я не мог нормально обойти торговые автоматы, а трава на обочинах так разрослась, что скорее напоминала забор. Путь был мудрёный, хотя, как мне казалось, я не слишком сбился с курса, поэтому продолжил идти в надежде рано или поздно выйти на знакомую улицу.

Проблуждав минут сорок, я всё же оказался в месте, которое я знал. Оказывается, я сделал круг и вернулся к школе. Она уже давно закрылась, поэтому везде, помимо учительской на первом этаже, свет был потушен, и только обозначения выхода кое-где светились зеленоватым цветом. Тогда-то я осознал, что за школой находится храм. Когда я повернул за угол, намереваясь обойти здание, передо мной появились ярко-красные тории. По обе стороны врат стояли статуи Инари, а за ними начинались ступеньки, ведущие к другим большим ториям на вершине. Учитывая то, что в этой лестнице наверняка больше ста ступеней, мне явно не хватит сил подняться по ней. Храмы у меня особого интереса не вызывали, и я не думал, что сокращу так путь до станции. И всё же, будто ведомый чем-то, я ступил на неё. Подъём по лестнице стал тяжёлым испытанием для моих костей. Я уже не помнил, сколько иду, а рубашка пропиталась потом. По обе стороны возвышались кедровые деревья со своими длинными корнями сдвигали каменные плиты. После восьмидесятой ступеньки я перестал считать. Я уставился в пол, упёрся руками в колени, опустошил голову от мыслей и просто продолжил идти. Ноги начинали болеть, но я не мог повернуть назад, взойдя так высоко. Преодолев последнюю ступень, я оказался на плоской поверхности площадью чуть шире 25-метрового бассейна. Кажется, территория храма выступала в качестве парка: по углам скромно разместились качели, горки и скамейки, трава под которыми выросла до невероятных размеров. Я сомневался, что сюда приходит много людей. Позади меня открывался вид на всю округу Первой старшей Минагисы. Я сел на ступень и глубоко вздохнул, разглядывая школу, дома и супермаркеты вдали. Холодный ветер очень кстати подсушил моё вспотевшее тело.

Почувствовав, что сыт по горло этим видом, я поднялся, чтобы обойти это место ещё раз перед уходом, но вдруг позади меня раздался звук. Будто ржавый металл тёрся обо что-то – скрежет, заставивший меня испытать неподдельный ужас. Убеждая себя, что это просто случайный скрип, я сглотнул и огляделся. Увидев источник странного звука, я чуть не закричал. На раскачивающихся качелях кто-то сидел. Было слишком темно, чтобы разглядеть лицо, но из роста и контуров силуэта я мог сделать вывод, что передо мной девушка примерно моего возраста. На ней была свободная слегка поношенная блузка и короткая юбка, потому можно было подумать, будто она ненадолго выбежала из дома. Девочка, сидящая на качелях в такое время, в таком месте, в такой одежде была поистине странным зрелищем.

Мне не требовалось спрашивать себя: «Бога ради, что она здесь забыла?» Она откинулась назад и смотрела вверх. Там, куда был направлен её взгляд, висела верёвка.

Один её конец был завязан кольцом, как для занятий гимнастикой. Это само по себе казалось странным, да и сама петля была слишком большой. Да, даже с первого взгляда можно было понять, что петлю завязала та девушка, собираясь повеситься. Верёвка располагалась не прямо над качелей, а немного в стороне. Под ней покоилась стопка старых книг, наверняка привезённых с местной свалки. Книжки, выступая в качестве пьедестала, лежали чуть позади так, чтобы, вложив голову в петлю, можно было шагнуть и позволить силе тяжести закончить начатое. Она была близка к моменту осуществления задуманного. Она медленно сошла с качелей и сняла сандалии. Осторожно встав на книги, она дотянулась до верёвки и затянула её вокруг шеи. Налетел сильный ветер, и деревья зашелестели. Как оказалось, она пока не заметила, что в парке есть кто-то помимо неё. Я постепенно

приблизился к качелям. Чтобы отговорить её, оттолкнуть или сделать ещё что-нибудь, мне нужно было встать там, где я смог бы быстро среагировать, если она что-то выкинет. Пока я сосредотачивался на себе, чтобы не создавать лишнего шума, сверчки застрекотали только громче. Прислушиваясь к их неизменному стрёкоту, я потерял чувство времени. Если бы я не был осторожен, то мог бы запросто всё испортить. Превозмогая головокружение, я двинулся вперёд мелким шагом. Когда я уже был практически рядом, она внезапно заметила крадущуюся тень и посмотрела прямо на меня. Я надеялся, что, прежде чем "что-нибудь выкинуть", она немного растеряется. Так и произошло, и она повалилась назад. Если бы она попыталась умереть до того, как я её остановлю, она бы шагнула вперёд. Может, я её испугал, и она оступилась в попытке освободить шею, но в спешке недостаточно ослабила верёвку. Когда она потеряла равновесие, петля только плотнее стиснула горло. Стопка книг повалилась на бок, и её ноги теперь болтались в воздухе. Натянутая верёвка только скрипнула. На мгновение я остолбенел. Прежде, чем мысль о том, что я должен спасти её, посетила меня, меня охватило желание в ужасе бежать отсюда как можно скорее. Я впервые оказался в ситуации, когда чья-то жизнь висела на волоске. Я понимал, что, если не попытаюсь помочь ей, мутная чёрная аура смерти коснётся и меня. Поэтому мои рефлексy с задержкой начали обгонять ход моих мыслей. Я метнулся к ней и подхватил правой рукой за бёдра, чтобы удержать на весу. Левой же я нащупал шею и схватил петлю. Но она только ту же затянулась под тяжестью тела, и ослабить её оказалось делом нелёгким. Девушка сильно закашлялась.

Пока я вслепую шарил в поисках узла, она лупила меня по руке. Так сильно, что я недоумевал, откуда в её маленьком тельце взялась такая мощь, да и развязывать верёвку, пытаясь противиться ей, стало только труднее. Пока я тужился, она отчаянно боролась в ответ.

Когда я ощутил, что через считанные секунды моя правая рука отвалится, мне наконец удалось развязать петлю. Ослабив хватку, но всё же держа девушку, я повалился вперёд.

Прежде чем я осознал это, её лицо оказалось чрезвычайно близко к моему. Под лунным светом, привыкнув к темноте, я смог разглядеть его. Однако я не мог поверить своим глазам. Я убеждал себя, что такое не могло произойти, упорно отрицая то, что увидел. Но одновременно я думал: Что ж, время пришло. Я позвал её по имени. Впервые за столько лет. «Хаджикано». Девушка открыла глаза. Пропитанные потом волосы липли к её шее и щекам, а взгляд из-за сильного кашля не мог сфокусироваться. «...Ёсукэ?» – хрипло произнесла Хаджикано. Сначала я решил, что не в силах произнести ни слова из-за сбившегося дыхания. Но даже перестав задыхаться, я не мог говорить. В горле пересохло, будто я выпил ведро морской воды. Я думал, что при встрече слова переполнят меня, что, когда я вновь встречу с Хаджикано, я о стольком захочу сказать, что не смогу придумать, с чего начать. Таковы были мои ожидания. Но реальность была им полностью противоположна. Я не мог даже пикнуть. Я не мог принять того, что предстало передо мной. Там, на лице Хаджикано, появилось огромное родимое пятно. «Подвинься», – сказала она. Придя в чувство, я понял, что до сих пор держу её за спину, и встал, будто отступая. Хаджикано медленно поднялась, упершись руками в колени, и отряхнула грязь с одежды. Она пару раз кашлянула и, не проронив ни слова благодарности за спасение, направилась к выходу из парка. Я не мог последовать за ней. Я не мог даже отвернуться и стоял, как идиот, наблюдая, как со скрипом раскачиваются качели. Я не знаю, сколько слушал это. Когда моя голова заработала, я уже потерял из виду Хаджикано, и почти готов был поверить в то, что произошедшее было просто сном. Но верёвка, свешивающаяся с перекладины качелей, и развалившаяся стопка книг на земле не позволяли этого сделать. Они твёрдо настаивали на том, что кто-то искал здесь смерти. Облака загородили луну, и парк погрузился в крошечную тьму. Качели в конце концов остановились, но отзвук скрежета ржавого металла останется здесь навсегда. Я услышал, как вдалеке зазвонил телефон.

Ноги понесли меня сами собой. Я безрассудно полетел вниз по каменным ступеням, будто ещё одна травма, которая будет заживать четырнадцать недель, ничего не значит для меня. Через последние десять ступеней я перепрыгнул. Пытаясь отдышаться, я внимательно искал

телефон. «Что ты творишь? – раздался голос в моей голове. – Какова твоя главная цель? Ты разве не можешь сосредоточиться на поисках Хаджикано, не спрашивая об этом ту девку? Что ты действительно должен делать? То, что её попытка самоубийства провалилась, ещё не гарантирует того, что она наберётся смелости повторить её только спустя некоторое время. Хаджикано ушла прочь и теперь может повеситься где угодно прямо сейчас. И главная проблема в том, что не Хаджикано убежала от тебя. Это ты убежал от Хаджикано. Ты оробел, увидев, как она изменилась. Ты решил, что это тебя не касается, и отступил. Хаджикано ушла, даже не посмотрев на тебя – ага, теперь-то тебе полегчало. "Я рад, что она не заговорила со мной", – подумал ты. Если ты не пойдёшь за ней сейчас, ты сбежишь и в следующий раз. И в следующий после следующего, и в следующий после следующего после следующего. Тебе этого достаточно? Тебе этого правда достаточно? Спрошу ещё раз. Какова твоя главная цель?» Я остановился. Я слышал, что звон исходит из телефонной кабинки на углу улицы. Если я и имел какие-либо мысли вроде той, почему я слышу этот звук, когда его источник находится так далеко внутри будки, их мгновенно сдуло: вниз, вдоль фонарей, убегала маленькая далёкая фигурка Хаджикано. Если я побегу так быстро, как только могу, может, я ещё догоню её. Но в то же время я задавался вопросом, что я буду делать, когда это произойдёт. Что я скажу ей? Как вообще возможно утешить девушку, которая пару минут назад чуть не убила себя? Пока я медлил, положив руку на ручку двери кабинки, Хаджикано уходила вдаль. Когда я уже сдался и сказал себе, что она слишком далеко, я заметил брошенный велосипед по левую сторону дороги. Скорее всего, он прицеплен и абсолютно бесполезен – я выбросил эту мысль из головы. «Эй-эй-эй, – запаниковал мой внутренний голос, – почему ты говоришь так, даже не попробовав? Взгляни, просто взгляни, ты где-нибудь видишь замок? Может, какая-то мелочь угнала его и бросила здесь – какой замок? И если всё так, разве ты не можешь ответить на звонок, поговорить с той женщиной и устремиться за Хаджикано? Почему ты не хочешь так сделать? Прими, ты не хочешь пойти за ней». Хаджикано растворилась в темноте. Я зашёл в телефонную кабинку и обессилено поднял трубку. «Ну что, как ощущения без родинки?» – спросила женщина. «Я уже и забыл о ней. Сегодня произошли более значимые события». «Ясно, – усмехнулась она, – в любом случае, моя часть условий исполнена. Твоя родинка исчезла, и ты встретился со своей возлюбленной. Я с нетерпением жду 31-ое августа». Я неуверенно вздохнул. «Эй, я хотел спросить...» «О чём?» «О лице Хаджикано, – произнёс я. – Откуда, чёрт возьми, там взялась та родинка?» Я услышал щелчок и короткие гудки. Я вернул на место трубку, сполз по стене будки на пол и устался в потолок. И пяти секунд не прошло, как телефон снова зазвонил. Я потянулся к нему, чтобы ответить. «Я забыла сообщить тебе об одной важной вещи». «Не беспокойся, не только об одной». «С днём рождения». И она повесила трубку. «И на том спасибо», – ответил я в пустоту. Я вышел из телефонной кабинки и достал из кармана мятую пачку. Я поднёс ко рту гнутую сигарету и поджёг её. Фильтр прилип к высохшим губам, отшелушивая кожу, и кровь оставила на сигарете следы, будто от помады. Это всё становится большой проблемой, подумал я, словно будучи просто посторонним наблюдателем, и сделал первую затяжку. Так началось моё шестнадцатое лето.

Примечания:

- (1) Невус Ота - темно-синее пятно неправильной формы, которое располагается в районе глаза, щеки или верхней челюсти. Монгольское пятно – синеватая окраска кожи в области крестца.
- (2) Скопофобия – боязнь быть осмеянным окружающими, патологический страх привлечения к себе внимания.
- (3) Танзаку – кусочек цветной бумаги с пожеланием, который вешают на бамбуковые ветви на Танабату. Танабата – традиционный японский праздник, когда встречаются разлучённые звёзды-божества Орихимэ (Вега) и Хикобоши (Альтаир).

<http://tl.rulate.ru/book/9410/177748>